

СОДЕРЖАНИЕ

Крымский “Амаркорд”	9
Космополитизм и баскетбол	21
Цех задорный. Ахматова и Данте	31
Учителя	41
Цех задорный. Западноармянские поэты и Кавафис	49
Пути просвещения	57
Цех задорный. Заболоцкий, Бродский, Умберто Саба	65
Ножная машина. Верлибры	77
Оттепель (и) Перестройка	85
Гора Монтале	91
“Очки итальянские...” , телевизор и квартирный вопрос	97

Цех задорный (официально)	105
Советская школа художественного перевода	121
Ватная баба на телефоне	131
Трудности перевода	155
Профессоре. Нельзя научить, но можно научиться	167
Авторская книга переводчика	177
Сицилия и прочие Италии	187
Командор	193
Casus Belli. Мучительное удовольствие	199
<i>Благодарности</i>	218
<i>Указатель имён</i>	219

В декабре 2022 года я в очередной раз пришёл в гости к Евгению Солоновичу. Невозможно сосчитать, сколько раз за тридцать лет, прошедшие с того момента, когда Евгений Михайлович стал моим мастером в Литинституте, я приходил в эту комнату, заставленную со всех сторон до потолка русскими и итальянскими книгами, и садился в глубокое бархатное кресло перед письменным столом. Сначала — смущённым студентом, потом — начинающим журналистом, и, наконец, — младшим коллегой, пришедшим посоветоваться по вопросам перевода...

Но этот визит — особенный. Мы встречаемся с Евгением Михайловичем на пороге его девятидесятилетия, чтобы поговорить не только о тонкостях итальянского стихосложения и трудностях перевода, но в первую очередь — о переводчике, то есть о нём самом. И затем превратить эти наши разговоры — в книгу. Я включаю диктофон.

КРЫМСКИЙ “АМАРКОРД”

POSTSCRIPTUM

Для кого-то никто, для кого-то поэт, для кого-то переводчик, родился тогда-то и там-то (а точнее, в татарском Крыму, дальнем, как для Улисса Итака), поступал, поступался, считался, сбивался со счёта, заводил, заводился (бывало, и с пол-оборота), наступал по примеру других на любимые грабли, меру знал, если врал (все когда-нибудь ввали), был когда-то на женщин и зелие падкий, плод запретный вкушал, то несладкий, то сладкий, «Краткий курс» изучал (слава богу, что краткий!), похвалы получал, расточал, подвергался похулам, посылал на три буквы (для чуткой цензуры — в болото), наши мельницы сравнивал с мельницами Дон Кихота, мысленно представляя идальго к рекорду Гиннеса,

*похвалиться не мог исключительной твёрдостью воли,
труса праздновал, но не кричал, что не дрогну под дулом
пистолета, нагана, винтовки, что в сытую морду
палача харкну кровью, бессильный от боли,
до восьмидесяти дотянуть, если честно, не думал,
дальше — кто его знает, а впрочем, а впрочем,
дальше проще всего
обойтись многоточием:*

...

ЕВГЕНИЙ СОЛОНОВИЧ

МИХАИЛ ВИЗЕЛЬ [М.В.]. Итак, родились “тогда-то и там-то, а точнее — в татарском Крыму”. Что же туда занесло Улисса?

ЕВГЕНИЙ СОЛОНОВИЧ [Е.С.]. Надо сказать, что “татарским” Крым был скорее в том детском моём восприятии. Родители мои рано развелись, а мачеха была учительницей русского языка и преподавала в татарской школе в Евпатории — и постоянно на какие-то экскурсии меня брала с собой, а ещё, поскольку она была классным руководителем, то мы часто с ней ходили по домам (и, надо сказать, нас прекрасно принимали: татары — очень гостеприимный

народ). Благодаря всему этому я много общался с татарчатами-сверстниками. А так Евпатория тех лет — это был обыкновенный русский город; точнее, он был многонациональным. Не только летом становился многонациональным, когда приезжали курортники, — но оставался им всегда.

В Крым же занесло не столько меня, сколько моего отца. Корней крымских у нас нет, но папа был военный — и получил назначение в Симферополь, в III Крымскую стрелковую дивизию. Он родился в 1900 году в Старицком уезде Тверской губернии, окончил в Ленинграде медицинский факультет университета и ещё институт физкультуры, был призван в армию и стал военный врач. Прослужил в армии двадцать восемь лет и вышел в отставку в звании полковника медицинской службы.*

Среди моих предков был известный в тридцатые годы XVIII века переводчик с древнееврейского на немецкий, а мой прадедушка, Абрам Солонович, создал на русском языке несколько капитальных трудов по истории Израиля и истории религии еврейского народа.

* <https://1418museum.ru/heroes/42237053>.

Хорошее перо было и у дедушки, Генриха Абрамовича Солоновича, — педиатра, видного деятеля детского здравоохранения в двадцатые годы, автора ряда книг по устройству детских учреждений в социалистическом обществе, по детской гигиене, создателя модели детского сада и пионерского лагеря.

*(из интервью Татьяне Бек
для журнала "Лехаим", сентябрь 2004)*

Е.С. Родился я в Симферополе, но, когда мне было около года, отец получил следующее назначение — в Евпаторию, в детский костно-туберкулёзный санаторий РККА, то есть Рабоче-крестьянской Красной армии. Так что хоть Симферополь для меня формально и родной город, но я его, собственно, и не знаю.

Но и Евпаторию я тоже узнал не сразу: едва я пошёл в школу, началась война — и я уехал в Москву, где жила бабушка, папина мама. Причём можно сказать, что я — восьмилетний мальчик — сам решил туда поехать.

Вышло это так. Летом 1941 года бабушка и папин брат — дядя Лёва, врач-гинеколог, — гостили у нас в Евпатории. И когда грянула война, дядя Лёва сказал сразу, что он должен ехать в Москву, в военкомат, потому что он прошёл

финскую кампанию. И мы в тот же день поехали вечером их провожать. Купили билет до Москвы бабушке и дяде, и заодно сестре моей старшей, Гале. А на вокзале я начал капризничать: “Хочу тоже в Москву, хочу тоже в Москву!”. Ну и мне тоже купили билет, и с ними вместе отправили.

Из Москвы мы, впрочем, скоро уехали — и переезжали потом всё дальше и дальше в эвакуацию. Сначала нас отправили под Рязань — вместе со школой, в которой училась моя сестра Галя; меня тоже приспособили туда, к её классу. Она была старше меня всего на пять лет, но, когда мы были в эвакуации там, вместе с её школой, её называли “маленькая мама” — потому что она очень за мной ухаживала. Позднее мачеха моя забрала нас с сестрой оттуда и увезла на реку Хопёр, куда эвакуировали из Крыма санаторий отца. Но и там мы недолго просидели — нас повезли дальше на восток, в Кемеровскую область. Ехали мы довольно долго: санитарный поезд, перевозивший больных детей, шёл медленно.

В Сибири прожили мы два-три года. Места — очень красивые, тайга. Я научился там на лыжах кататься. Местные дети к нам, приедем более-менее ровесникам, обращались с просьбой:

“Скажи «кукуруза»”. Их интересовала карто-
 вость. Ну, на это мы особого внимания не об-
 ращали, и говорили “кукуруза” кто как может.
 Там мы оставались вплоть до освобождения
 Крыма, и в сорок четвёртом, тоже санитарны-
 ми поездами, вернулись в Евпаторию — кото-
 рую, собственно, до этого я почти не знал; не
 успел как-то врать в неё. А вот потом — после
 нашего возвращения — Евпатория для меня
 и стала родным городом; я там жил до самого
 окончания школы, и уехал в Москву — уже по-
 ступить в институт.

м.в. Поступить, стало быть, на переводческий фа-
 культет. Почему именно такой выбор? Вам уже
 в детстве языки легко давались?

е.с. Я бы не сказал, что мне языки “легко дава-
 лись”. А может, в школе — с английским — мне
 просто не хватало усидчивости. Или же — сам
 язык был не интересен.

Да и не то что бы меня тянуло к иностранным
 языкам вообще — скорее, меня в тот момент
 интересовал конкретно испанский.

В Крыму был первый или один из первых ис-
 панских детских домов. Когда в 1937–1938 годах,
 на фоне разгоревшейся в Испании граждан-

ской войны, в Советский Союз эвакуировали местных детей, то один из пароходов с ними пришёл как раз в Евпаторию.

В итоге у нас там была большая колония испанцев. Они жили несколько особняком, и у них были свои воспитатели, но учились они — в наших школах. Поэтому у меня было много знакомых испанцев. У нас была мужская школа, напротив — женская.

Вернувшись из школы, они, естественно, говорили по-испански. Я не видел и не слышал ни одного, который говорил бы без акцента порусски, потому что они всё время продолжали общаться на своём родном языке.

И одна девушка, испанка, — она старше меня была, — мне очень понравилась. И я — совершенно платонически! — любовался ей. Звали её Консуэло.

Так что, когда после школы я решил ехать учиться в Москву, то подумал: буду учить испанский. Я хотел подавать документы в МГУ, но меня стали отговаривать: в МГУ поступить трудно, тра-та-та, зачем тебе... У меня жила в Москве тётя, Роза Александровна Тугендхольд (1894–1971). Она из очень известной семьи искусствоведов — её старший брат, Яков Александрович Тугендхольд, писал о живописи ещё